

Екатерина Мордвинцева

Агентство Купидон.

Чудо в подарок

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Агентство Купидон. Чудо в подарок / Е. Мордвинцева —
«Литнет», 2026

В лесу, где время течёт иначе, живёт тот, кто помнит падение империй. Он — последний страж древней тайны, обречённый на вечное одиночество. Она — та, кто лечит чужие раны, но не может исцелить своё одиночество. Искра у его порога изменит всё. Чтобы спасти искру угасающего света, дракону придётся вспомнить, что значит быть живым. Но спасение одной жизни может стоить гибели целого мира.

© Мордвинцева Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

Лес Столетних Теней не просто спал. Он пребывал в состоянии древней, бдительной дремоты. Воздух был густым, как забродивший эль, напоенный запахом влажной земли, гниющих великанов-пней и холодной магии, стекавшей с горных хребтов, что синели на горизонте. Молчание здесь было не пустым, а насыщенным — шелестом невидимых крыльев духов-хранителей, скрипом вековых стволов, сонным журчанием подземных ключей. Здесь время текло иначе, замедлялось, цепляясь за камни и корни, и лишь тот, кто был с ним в ладу, мог двигаться, не нарушая хрупкого покоя.

Арвен Скайлор был с ним в ладу. Он был частью этого молчания, его живым стержнем.

Его ночной патруль не был необходимостью — это был ритуал, медитация в движении. Его ноги, обутые в мягкие сапоги из кожи темного эшвалара, не оставляли следов на бархатном мхе. Длинный плащ из ткани, что вбирала в себя самый цвет ночи, не шелестел, лишь изредка, как тень гигантского крыла, мелькал между стволами. Он не сканировал границы — он чувствовал их всем своим существом, каждой чешуйкой под человеческой кожей. Здесь, в двух шагах от западной межи, эхо древнего заклатья звучало чуть приглушеннее — нужно было укрепить руну Вечности на старом валуне. Там, у южного ручья, папоротники склонились неестественно — прошел кто-то чужой, но мелкий, испуганный, не опасный. Он отметил это в памяти, чтобы утром проверить ловушки для любопытных зверьков.

Арвен редко принимал свою истинную форму в этих лесах. Человеческое обличье было удобной маскировкой, сэкономило силы. Но и в нем он нес в себе мощь дракона: в золотистом взоре с вертикальными зрачками, что видел тепло живого сквозь листву; в неслышной поступи хищника; в том, как воздух вокруг него чуть густел, а тени казались глубже и преданней. Звери и духи леса узнавали в нем хозяина и сторонились, давая широкую дорогу.

Башня выросла перед ним внезапно, как и должно было быть — она всегда была тут, просто лес позволял увидеть себя лишь избранному. Черный шпиль из камня, добытого в самом сердце угасшего вулкана, впивался в низко нависшее, усыпанное звездами небо. Ни окон, кроме узких бойниц на самом верху, ни украшений — лишь строгие, плавные линии и руны, высеченные по окружности у основания. Они тихо светились синим — печать была в порядке, энергия текла ровно, без перебоев.

Арвен остановился в десяти шагах от массивной двери из черного дуба, возрастом с добрую рошу. Протянул руку, не касаясь древесины. Руны на дверном полотне отозвались ему теплой, едва заметной вибрацией — пароль принят, охрана отключена. Он уже ощущал тепло очага изнутри, представлял тяжелый том «Летописей Угасающих Эпох» на дубовом пюпитре, чашку дымящегося чая из горьких трав, что помогала забыть о вкусе золота и пламени... Его личная, выстроенная веками крепость одиночества ждала.

И тут его слух, в тысячу раз острее человеческого, уловил звук. Не скрип ветки, не шорох листа. Это был слабый, прерывистый звук живого существа на грани. Не крик, а скорее стон. Выдох, в котором была вся вселенская беспомощность.

Вся расслабленность Стража испарилась в мгновение ока. Плечи напряглись, спина выпрямилась. Янтарные глаза, мгновение назад полные сонной отрешенности, вспыхнули холодным золотым огнем, выискивая угрозу. Он повернул голову, анализируя звук. Источник был близко. Очень близко. Прямо у его ног.

Взгляд скользнул по грубо отесанному камню порога, задержался на темном пятне у самого основания двери. Сначала он принял это за комок грязи, принесенный ветром, или отвалившийся кусок мха. Но пятно дрожало.

Арвен медленно, с преувеличенной осторожностью существа, привыкшего к внезапным атакам из темноты, присел на корточки. Он щурился, пытаясь разобрать очертания в густой

тени. Потом осторожно провел рукой над этим комочком. От его пальцев сошел слабый сгусток магии — не атака, а просто импульс света, беззвучный и безвредный.

В тусклом свечении открылась картина, от которой что-то ледяное и незнакомое сжалось у него внутри.

На камне лежало существо. Котенок. Но такой жалкий и несчастный, что даже у Арвена, выдавшего падение империй и увядание звезд, дрогнуло что-то в глубине груди. Он был крошечным, размером с человеческий кулак. Пепельная шерстка, которая, вероятно, была мягкой, теперь представляла собой спутанные, мокрые от ночной влаги сосульки, покрытые прилипшими травинками и землей. Ребра выпирали под тонкой кожей пугающими четкими полосками. Крошечные лапки были поджаты, коготки — прозрачные и острые, как иголки — бессижно царапали камень. Но самое страшное были его глаза. Они были полуприкрыты, и в узкой щелке виднелся тусклый, безжизненный зеленый цвет, словно угасающие огоньки болотных огней.

Котенок снова вздохнул. Этот звук был уже не стоном, а тихим, влажным бульканьем в крошечной груди. Он был не просто голоден или напуган. Он умирал. Прямо здесь, на пороге крепости одного из древнейших существ в Междумирье.

Арвен Скайлор отпрянул, будто его коснулись раскаленным железом. Он встал во весь свой немалый рост, отступив на два шага. В голове, обычно ясной и холодной, как горное озеро, поднялась буря противоречий.

Инстинкт хранителя: «Существо на его земле. Слабейшее. Практически мертвое. Это нарушает баланс. Его долг — устранить помеху. Или проигнорировать. Лес сам поглотит слабого. Так было всегда.»

Разум стратега: «Откуда оно взялось? Это подлог? Приманка? Может, в этом тельце скрыт шпионский чар или взрывной талисман? Нужно подвергнуть магическому анализу, желательно с безопасного расстояния.»

Что-то еще... Глубинное, давно забытое, спящее на дне его драконьей души. Смутный образ далекого прошлого, когда он сам, еще не оперившийся дракончик, лежал беспомощный и раненый, а теплый бок его матери согревал и защищал. Это воспоминание было таким острым и неуместным, что Арвен стиснул зубы, почувствовав почти физическую боль.

«Уйди, — приказал он мысленно. — Умри где-нибудь в лесу. Не здесь».

Но котенок не двигался. Он лишь снова задрожал, и эта дрожь была такой отчаянной, такой вселенски одинокой, что холодный расчет в голове Арвена дал трещину.

И тогда, как спасительная и в то же время раздражающая подсказка, в его памяти всплыл образ. Не руна, не строка из пророчества, а нечто совершенно бытовое, глупое. Картинка из той самой поездки в шумный, душный торговый квартал Междумирья, куда он изредка навещался за редкими реагентами. Он ненавидел эту суету, эти запахи чужих тел, пряностей и гниющих отходов. Но там был нужный ему алхимик.

И по дороге к нему Арвен, отворачиваясь от толчеи, уставился на синюю дверь. Яркую, как летнее небо, неуместно жизнерадостную. На ней висел деревянный щит в форме полумесяца, искусно вырезанный и покрытый серебристой краской. Надпись: «Лунный фамильяр-иум». И ниже, более мелко: «Приют, лечение и подбор магических спутников. Лира Серебрянка». А в самом низу, уже почти курсивом, словно доверительный шепот: «Ни одно существо не останется без помощи».

Тогда он лишь брезгливо сморщился. Сентиментальная чепуха. Покровительство слабости. У этих смертных короткая жизнь, и они тратят ее на жалких зверьков.

Сейчас же эти слова — «без помощи» — прозвучали в его черепной коробке с металлическим, неумолимым звоном. Он посмотрел на дрожащий комочек. «Ни одно существо...»

Проклятие. Проклятие все эти смертные с их глупыми вывесками и глупыми, идущими вразрез с природой, принципами.

Ветер, словно поддразнивая, рванул с новой силой, принес с собой запах приближающегося дождя. Капля, тяжелая и холодная, шлепнулась на камень в сантиметре от котенка. Потом еще одна. Малыш вздрогнул, попытался сжаться сильнее, но у него уже не было сил.

Арвен Скайлор, Страж Печати, последний дракон рода Скайлоров, вздохнул. Звук вышел низким, раскатистым, больше похожим на подавленное рычание где-то в основании горла. В этом вздохе была капитуляция. Не перед угрозой, а перед чем-то гораздо более неудобным — перед призраком собственной, давно похороненной, ответственности.

Он резким, почти сердитым движением сдернул с плеч свой тяжелый, пропитанный магией плащ. Ткань, стоившая целое состояние, непроницаемая для любой непогоды и смягчающая удары, шлепнулась на мокрый камень. Арвен наклонился. Его большие, способные с легкостью ломать кости, руки замерли в воздухе над крошечным тельцем. Он выглядел так, будто собирался обезвредить хитрую ловушку, а не подобрать беззащитное существо.

Наконец, с предельной, невероятной для него осторожностью, он погрузил ладони в ткань и приподнял котенка. Тот был легче пуха, горячий, словно тлеющий уголек, несмотря на ледяную дрожь. При движении котенок издал новый звук — не писк, а тонкий, слабый вопль, полный такого бессознательного ужаса, что пальцы Арвена непроизвольно сжались чуть нежнее. Существо инстинктивно, слепо уткнулось мокрой мордочкой в складки темной ткани, ища укрытия.

Арвен занес сверток за порог, в небольшой каменный предбанник, где обычно сбрасывал уличную пыль. Здесь было сухо и чуть теплее. Он остановился, глядя на дверь, ведущую в главный зал, в его святилище. Нести это воплощение хрупкости и болезни к своему очагу? К своим фолиантам, которые старше иных королевств? К воздуху, пропитанному вековой магией дракона? Нет. Это было немыслимо. Это нарушило бы всю экосистему его одинокого существования.

Его взгляд снова, почти против воли, метнулся в сторону, где в глубине леса, под охраной особенно свирепых древних чар, стоял камень-портальник. Путь в Междумирье. Путь к той самой синей двери.

Идея оформилась, твердая и неоспоримая. Он избавится от этой проблемы. Передаст ее тому, кто на таких проблемах, судя по вывеске, специализируется. Сделает это быстро, четко и навсегда забудет, как досадный инцидент.

Сурово нахмурившись, он плотнее завернул котенка в плащ, оставив снаружи лишь крошечный нос и закрытые глаза. Получился тугой, темный кокон, из которого торчала жалкая пепельная шерстка.

— Ты, — произнес Арвен тихим, низким голосом на древнем языке драконов, глядя на сверток, — непредвиденная и крайне нежелательная помеха.

В его тоне не было злобы. Была лишь колоссальная, всепоглощающая растерянность и тяжесть принятого решения. Он чувствовал странную слабость в этом свертке, бившуюся в такт едва уловимому пульсу. Это было противно его природе. Это было живое. И оно полностью зависело от него в эту секунду.

Не заходя внутрь, не согревшись у своего камина, Арвен Скайлор развернулся и шагнул обратно в ночь. Но теперь его путь вел не по знакомым тропам патруля, а в самую чашу, к порталу. В своих руках он нес не просто котенка. Он нес искру — хрупкую, угасающую Искорку, которой было суждено не потухнуть на холодном камне, а разжечь пламя, способное растопить лед вечного одиночества. Сам того не ведая, он нес свою судьбу.

Глава 2

Последние лучи заходящего солнца, пробивавшиеся сквозь витражное окно с изображением танцующих фейри, раскрашивали комнату в теплые полосы янтаря и пыльной лаванды. В воздухе висел уютный, знакомый беспорядок: сладковатый запах сушеного корня лунника, терпкий аромат лечебной мази из плакучей ивы, едва уловимые нотки шерсти, перьев и чистого, здорового звериного тепла.

Лира Серебрянка, смахивая со лба прядь волос цвета темного меда, завязала последний узелок на повязке на лапке молодого лесного гормика. Существо, больше похожее на мохнатый колючий шарик с блестящими черными глазками, благодарно цокнуло зубками и, припав на три лапки, прыгнуло в открытую дверцу переносной клетки.

— На сегодня всё, Боровичок, — прошептала Лира, щелкнув крошечным замочком. — Завтра сменим повязку. Спи спокойно.

Она выпрямилась, чувствуя привычную приятную усталость в спине. День был насыщенным: прием, осмотры, кормление, уборка вольеров. «Лунный фамилляриум» никогда не пустовал. Для кого-то это была временная передержка, для кого-то — настоящий дом. Лира гордилась каждым своим подопечным, от величественного, но слепого филина-альбиноса до семьи суетливых огненных ящерок, требовавших постоянного контроля за температурой.

Ее взгляд перешел к двум постоянным обитателям комнаты для реабилитации.

На подушке из лечебного мха, под специальным магическим колпаком, излучавшим мягкое ультрафиолетовое сияние, лежал василиск. Не чудовище из страшных сказок, а изящная ящерица с перламутровыми переливчатыми чешуйками и крошечными, рудиментарными крылышками на спине. Его зрение было ослаблено, и прямой взгляд его теперь не каменел, а лишь вызывал легкое головокружение. Лира подошла и провела пальцем по его прохладной спинке. Существо издало глухое, довольное урчание, похожее на шум далекой грозы, и прикрыло полупрозрачные веки.

— Сладких снов, Царь, — улыбнулась она.

Затем она повернулась к большому глиняному горшку, стоявшему в углу на массивной чугунной подставке. Из земли виднелась лишь розетка темно-зеленых листьев, но это был самый «разговорчивый» пациент. Лира взяла с полки лейку с серебристой водой, заряженной лунным светом.

— Ну что, Мадемуазель Мандрагора, готовы ко сну? — спросила она тихим, напевным голосом.

Из горшка донесся тихий, капризный шелест. Лира полила землю, и через мгновение раздался звук. Сначала тихий, как жужжание шмеля, затем набирающий силу и чистоту. Это была мелодия без слов, странная и завораживающая, что-то среднее между колыбельной эльфов и напевом подземных ручьев. Поющая мандрагора выпускала в воздух не только звук, но и легкие, успокаивающие споры, способные усыпить даже самого тревожного пациента. Лира закрыла глаза на мгновение, позволяя магии звука смыть остатки дневного напряжения. Это был ее ежевечерний ритуал.

Мелодия стала тише, перетекая в сонное бормотание, а затем и вовсе смолкла. Мадемуазель заснула.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь размеренным дыханием василиска и постукиванием по стеклу ночной бабочки-светляка. Лира собиралась уже потушить основные светильники, оставив лишь ночные бра, когда раздался стук в дверь.

Твердый, размеренный, не суетливый. Не похожий на отчаянный стук владельца потерявшегося фамилляра или на робкое постукивание нового клиента.

Ли́ра нахмурилась. Приемные часы закончились полтора часа назад. Вывеска на двери ясно давала это понять. Она вздохнула, поправила передник и пошла к входной двери.

Открыв ее, она на мгновение замерла.

На пороге стоял мужчина. Высокий, очень высокий, так что ему пришлось слегка склонить голову, чтобы не задеть притолоку. Он был закутан в темный, дорогой на вид плащ, но не скрывавший ширины плеч. Его лицо было бледным, с резкими, словно высеченными из мрамора чертами — высокие скулы, прямой нос, строгий рот. Но больше всего Ли́ра, привыкшая читать глаза животных, поразили его глаза. Цвета старого золота, с вертикальными, как у кошки, зрачками. И в них стояла такая глубокая, неизбыточная печаль, что у нее на мгновение перехватило дыхание. Это была не человеческая грусть, а что-то древнее, холодное и тяжелое, как пласт горной породы.

Он не сказал ни слова. Не поздоровался, не извинился за поздний час. Он просто молча протянул вперед руки. В них была не корзинка, как он, вероятно, планировал, а его собственный, свернутый гнездышком плащ. И в складках темной ткани виднелось крошечное пепельное существо.

Ли́ра мгновенно переключилась с удивления на профессиональный режим. Ее взгляд скользнул с лица незнакомца на сверток.

— Что случилось? — спросила она, ее голос прозвучал мягко, но собранно. Она сделала шаг назад, приглашая войти. — Проходите. Здесь тепло.

Мужчина переступил порог. Его движения были плавными, почти бесшумными, но в них чувствовалась скованность, будто он вошел в клетку. Он оглядел прихожую — полки с пузырьками, висящие сухие травы, клетку со спящим горником. Его взгляд на мгновение задержался на урчащем василиске, и в его глазах мелькнуло что-то — не страх, а скорее острое, аналитическое узнавание. Он протянул ей сверток.

— Нашел. На пороге, — произнес он наконец. Голос был низким, бархатистым, но лишенным каких-либо эмоций. Каждое слово словно высекалось из камня. — Оно умирает.

Ли́ра бережно приняла плащ с котенком. Ее пальцы мгновенно оценили ситуацию: слабый, учащенный пульс, лихорадочный жар, полная атония мышц. Она даже не взглянула на мужчину, сразу понесла сверток к большому столу для осмотра, застеленному мягкой, впитывающей тканью.

— Когда? Где именно? Были ли рядом другие животные? Что-то необычное? — сыпала она вопросами, разворачивая плащ с хирургической аккуратностью.

— Ночью. В лесу. Нет. Нет, — отвечал он, оставаясь стоять у двери, будто не решаясь проникнуть глубже. Каждый ответ был краток.

Ли́ра включила яркий магический светильник над столом и принялась за осмотр. Она что-то бормотала себе под нос, касаясь котенка не руками, а кончиками пальцев, от которых исходило легкое золотистое свечение — ее дар, позволявший чувствовать поток жизни в существе. И чем глубже она «слушала», тем серьезнее становилось ее лицо.

— Сильное истощение, переохлаждение, обезвоживание... Но это не главное, — прошептала она. — Его собственная магия... Она заглушена. Будто в спячке или под колпаком. Так не должно быть. Даже у самого простого зверька есть искра.

Именно тогда, оторвав взгляд от котенка, она снова посмотрела на мужчину. На того, кто принес его. И увидела то, что не заметила сразу из-за его поразительных глаз и странной ауры.

Вокруг него, особенно на краях плаща и на руках, висело легкое, почти невидимое марево. Оно не было злым или темным. Оно было древним. Невероятно древним. Это был отголосок магии, которой не учат в академиях, которая не записана в современных гримуарах. Она пахла (нет, не пахла — ощущалась) камнем, пролежавшим под звездами тысячу лет, холодным высокогорным воздухом и чем-то еще, чем-то первозданным и могущественным. Следы этой магии были и на котенке, но слабые, как эхо.

— Вы... — начала Лира, глядя на него с новым, пристальным интересом. — Вы сами маг? Очень необычной школы. Или... Это место, где вы его нашли, оно особенное? Древнее святилище, геомагический разлом? Это могло бы объяснить подавленность его энергии. Ему нужна не просто еда, а правильная...

— Нет, — отрезал Арвен, и в его голосе впервые прозвучала резкая, ледяная нотка. Он сделал шаг назад, к двери. Его поза выражала желание оборвать разговор, исчезнуть. — Место обычное. Я — нет. Никаких святилищ. Я просто нашел его и принес. С вас достаточно.

Его тон был таким окончательным, таким закрытым, что у Леры даже не возникло желания настаивать. В ее практике бывали странные клиенты — те, кто боялся магических исследований, кто скрывал свое происхождение. Но этот... Этот был иным. Он не боялся разоблачения. Он, казалось, боялся самого контакта.

— Подождите, — сказала она, смягчив голос, видя, как его рука тянется к дверной ручке. — Ему нужна помощь. Специальная помощь. Я могу ее оказать, но мне нужна информация. Хотя бы как вас зовут? Чтобы я знала, кого уведомить, если что-то изменится.

Он замер. Его золотистый взгляд скользнул по ней, оценивающе, холодно. Потом упал на котенка на столе, который в свете лампы казался еще меньше и беззащитнее.

— Нет необходимости, — произнес он, и в этих словах прозвучало что-то вроде облегчения. Как будто он уже мысленно стер эту ситуацию из памяти. — Делайте, что должны. Я выполнил долг.

И прежде чем Лира успела что-либо возразить, он резко развернулся, вышел за дверь и растворился в сгущающихся сумерках переулка так же бесшумно, как и появился. Дверь захлопнулась с тихим щелчком, оставив ее в тишине с тайной, завернутой в драгоценный плащ, и со странным, холодным ощущением, будто в ее мир только что заглянула сама Вечность и поспешила прочь, испугавшись собственного проявления милосердия.

Лира вздохнула, пожимая плечами. Станный, странный человек. Но у нее сейчас была другая забота. Она бережно прикрыла котенка теплой тканью и пошла готовить питательный раствор и искать в своих книгах упоминания о «спящей» магии у малых существ.

Она не знала, что только что приняла в свой дом не просто пациента. Она приняла точку пересечения двух судеб, нить которой, невидимая для нее, уже начала свиваться из печали дракона и тепла ее собственного сердца.

Глава 3

Ночь в «Лунном фамильяриуме» никогда не была по-настоящему тихой. Она была наполнена дыханием, шорохами, мягкими звуками жизни. Но в эту ночь тишина в комнате Лире наверху была иной — напряженной, сосредоточенной.

Котенок, которого она промыла от грязи теплой водой с травяным настоем и бережно высушила мягчайшими полотенцами, лежал на подстилке из лечебного мха в небольшой корзинке у камина. Он был чистым, и теперь в пепельной шерстке угадывался благородный серебристый оттенок. Но он по-прежнему не открывал глаз, лишь изредка вздрагивая во сне. Рядом стояла крошечная пипетка с остатками питательной эссенции — Лире с трудом удалось влить в него несколько капель, разжимая крошечные челюсти.

Теперь она сидела в кресле напротив, завернувшись в плед, и не сводила с него глаз. Ее руки лежали на подлокотниках ладонями вверх. Она не касалась котенка физически. Она делала нечто более глубокое.

Ее дар «Слушателя» был не просто умением понимать потребности. Это была способность настраиваться на самую жизненную суть существа, видеть его внутренний свет, его уникальный магический отпечаток. Для здорового зверька это выглядело как маленькое, яркое солнышко или разноцветный вихрь энергии. Для больного — как потускневший огонек, нуждающийся в подпитке.

Но у этого котенка...

Лира углубила концентрацию. Она закрыла глаза, отодвинув в сторону шум собственного сердца, треск поленьев в камине. Внутренним взором она искала ту самую искру.

И наконец нашла. Но то, что она увидела, заставило ее нахмуриться даже с закрытыми глазами.

Искра была. Она не угасла. Но она была заключена. Как драгоценный камень в непроницаемой, матовой сфере. Через стенки этой сферы почти не просачивалось ни света, ни тепла. Она не реагировала на ее осторожные, приглашающие импульсы. Она просто была — мощная, потенциально яркая, но погруженная в глухую, искусственную спячку.

«Заглушена. Не повреждена, а именно заглушена, — думала Лира. — Как будто кто-то намеренно поставил на нее магический глушитель. Или...»

Она медленно открыла глаза, глядя на слабо поднимающуюся и опускающуюся грудь котенка. Или это был защитный механизм? Некоторые редкие существа, попав в смертельную опасность или испытав сильнейший шок, могли инстинктивно «сворачивать» свою магию, чтобы не привлекать внимание или чтобы выжить, замедлив все процессы до минимума.

Но для такого крохи? Какая опасность могла быть настолько велика?

Ее мысли невольно вернулись к странному посетителю. К его глазам, полным древней печали. К тем призрачным отголоскам магии на нем. Магии, которая тоже чувствовалась старой. Очень старой. Не было ли это совпадением?

Она осторожно протянула руку и коснулась котенка кончиками пальцев, не пытаясь проникнуть внутрь, а просто оценивая физическое состояние. Температура стала ближе к норме, пульс немного окреп после питательного раствора. Тело боролось. Воля к жизни была. Но без пробуждения его внутренней магии он оставался бы хрупким, уязвимым. Обычные лекарства могли помочь телу, но не духу.

— Ладно, малыш, — тихо прошептала она. — Оставайся со мной. Мы разберемся. Ты в безопасности.

Она приняла решение. Его не отдадут в приют для обычных животных и не передадут в городскую лечебницу. Он останется здесь, под ее наблюдением. Она будет искать ключ к этой магической тюрьме.

Утром, после короткого, прерывистого сна, Лира погрузилась в работу. Она перелистывала свои дневники, просматривала древние трактаты по тератологии (науке о магических существах), которые достались ей от бабушки-дриады. «Самосохранение магического ядра у юных особей», «Глубинная гистерия фейриков», «Влияние геомагических аномалий на низших пиксидов»... Ничего напрямую не подходило.

Котенок, которого она мысленно уже назвала Пепельком, все так же лежал в корзинке. Он начал пить воду сам, когда она подносила пипетку к мордочке, что было хорошим знаком. Но глаза оставались закрытыми, а магия — запертой.

День прошел в рутине: кормление остальных питомцев, уборка, прием пары записавшихся клиентов. Лира то и дело поглядывала на корзинку у камина, отмечая малейшие изменения. Он иногда переворачивался во сне.

И когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая комнату в теплые тона, раздался тот же твердый, размеренный стук.

Сердце Леры почему-то дрогнуло. Она знала, кто это, еще прежде, чем подошла к двери.

Он стоял там, на том же месте. Арвен. В том же темном, тепер, видимо, почищенном плаще. Его лицо было таким же замкнутым и бледным, а в золотистых глазах все так же стояла та же непроницаемая печаль. Но в его позе, в том, как он чуть подавался вперед, угадывалось что-то новое — не терпение, а скорее ожидание. Немое, тяжелое ожидание.

Они молча смотрели друг на друга несколько секунд.

— Я, — начал он, и его голос прозвучал чуть менее каменным, чем вчера, — пришел узнать. О существе.

Лира кивнула, отступая, чтобы впустить его. На этот раз он переступил порог немного увереннее, но его взгляд сразу же устремился к тому месту, где вчера стоял стол для осмотра. Стол был пуст. Мгновение, и его глаза метнулись по комнате, сканируя пространство с пугающей скоростью. Лира увидела, как тонкие мускулы на его скулах напряглись.

— Он здесь, — поспешила она успокоить, указывая на корзинку у камина. — Он жив. Стабилен. Но не пришел в сознание.

Она наблюдала за мужчиной. Он медленно, словно против воли, сделал несколько шагов к камину. Остановился в двух шагах от корзинки, не присаживаясь, не наклоняясь. Он просто смотрел. Его лицо ничего не выражало, но Лира, привыкшая к языку телодвижений, заметила едва уловимое расслабление в его плечах. Словно камень, который он нес в себе, чуть-чуть скатился.

— Что с ним? — спросил мужчина, не отрывая взгляда от котенка.

— Физически — сильное истощение, обезвоживание. Он начинает пить. Это хорошо. Но... — Лира замаялась, выбирая слова. Она не хотела снова спугнуть его вопросами о магии. — Но есть осложнение. Его жизненная сила очень угнетена. Не только тело, но и что-то глубже. Как будто он в глубокой спячке, из которой не может проснуться.

Мужчина молчал. Потом кивнул, коротко и резко, будто подтвердил какую-то свою внутреннюю догадку.

— Вы лечите его? — спросил он наконец.

— Да. Поддерживающая терапия, питательные растворы, тепло. Я ищу причину его состояния в своих книгах, — она осторожно добавила: — Это может быть связано с местом, где он был найден. Или с тем, что произошло с ним до этого.

Он снова повернул к ней голову. Его взгляд был острым, оценивающим. Он, казалось, взвешивал каждое ее слово.

— Вы оставляете его здесь? — в его тоне не было надежды или просьбы. Был холодный запрос о фактах.

— Да. Он останется у меня. Пока ему нужен специальный уход, — твердо сказала Лира. — И пока я не пойму, что с ним.

Мужчина смотрел на нее еще несколько долгих секунд. В его глазах бушевала внутренняя буря, которую он тщательно сдерживал: облегчение от того, что «проблема» находится в компетентных руках, и раздражение от того, что эта проблема не решена, а значит, остается в его жизни. И что-то еще: крошечная, почти неуловимая тень чего-то, что могло быть интересом. Или ответственностью.

— Хорошо, — произнес он отрывисто. И снова, без предупреждения, без прощания, развернулся и направился к двери.

— Подождите! — Лира не сдержалась. Он замер, не оборачиваясь. — Ваш плащ. Вчерашний. Я его почистила, он...

— Оставьте, — прозвучало из-под капюшона. — Он больше не нужен.

И он вышел, снова растворившись в сумерках так же внезапно, как появился.

Лира вздохнула, в растерянности глядя на закрытую дверь. Он вернулся. Просто чтобы узнать. Не потребовал отчета, не пытался забрать, не предложил оплаты. Просто узнал.

Она подошла к окну, отодвинула занавеску. Улица была пуста. Но странное чувство не покидало ее. Этот человек был связан с котенком не просто жестом милосердия прохожего. В этом была какая-то глубинная, необъяснимая связь. И его возвращение доказывало это.

Она повернулась к корзинке. Пепелек слабо пошевелился во сне, как будто почувствовав присутствие того, кто принес его сюда. Лира медленно подошла и села на пол рядом, обняв колени.

— Кто ты, малыш? — прошептала она, глядя на его спящую мордочку. — И что за тайну ты принес на порог этому дракону в человеческом обличье?

Она не знала, что была недалеко от истины. И что следующий визит молчаливого гостя будет вызван не вежливостью, а необходимостью — необходимостью, которая навсегда сплетет их жизни в один клубок.

Глава 4

«Лунный фамильяриум» встретил Эмму Броудс знакомым гулом жизни. Воздух был густым от запахов: свежая стружка в клетках, сладкий аромат цветущей лунной лианы, вившейся по стеллажам, и легкая, едкая нотка нашатыря из кабинета первой помощи. Эмма, с корзиной в руке, с удовольствием вдыхала этот калейдоскоп ароматов. После тишины и сосредоточенности своего агентства здесь чувствовалась настоящая, кипучая жизнь.

— Лира! — позвала она, заглядывая за стойку, где обычно сидела хозяйка.

— В операционной! — донесся голос из-за занавески. — Минутку!

Эмма кивнула и принялась рассматривать полки с товарами. Пучки сушеных трав, аккуратно подписанные: «сон-трава для беспокойных филинов», «корень спокойствия для гипногрифов в период линьки», «успокаивающая пыльца лунного кактуса». Именно за этим она и пришла. Саруг, ее гном-помощник, мудро заметил, что половина ссор на первых свиданиях, которые они организовывали, происходила от банальных нервов. «Давай им чаю успокоительного, — бурчал он, — глядишь, и разговор пойдет ладнее». Эмма решила, что это гениально. А кто разбирается в успокоительных для самых разных существ лучше Лире Серебрянки?

Занавеска отодвинулась, и появилась Лира. На руках у нее в защитных перчатках из толстой кожи сидел небольшой, сердитый на вид еж с искрящимися, как серебряная парча, иголками.

— ...и больше не лезь в розетку, ясно? Искромёт, ты не зарядное устройство, — строго говорила Лира, неся его к просторной клетке. Увидев Эмму, она улыбнулась. — Эмма! Прости, навела порядок с одним непоседой. Чем могу помочь?

— Привет, Лира. Мне нужна твоя экспертиза, — Эмма положила на прилавок список, составленный Саругом с ее легкой редакцией. — Для клиентов. Нервы, предсвидаточная паника, желание блеснуть умом, а не дрожью в коленках... В общем, что-нибудь универсальное, но эффективное.

Лира, скинув перчатки, взяла список, пробежалась глазами и рассмеялась.

— Саруг, как всегда, практичен. У меня как раз есть отличный сбор «Ясный ум и Теплое сердце». Подойдет и эльфам, и гномам, и даже немного взволнованным троллям. Сейчас соберу.

Она принялась ловко отмерять щепотки из разных банок в большой бумажный кулек, что-то бормоча себе под нос про пропорции. Эмма облокотилась на прилавок, наблюдая за работой. Она всегда восхищалась спокойной уверенностью Лире, ее связью с миром существ. Это была своя магия, не менее ценная.

Именно в этот момент дверь открылась.

Вошла не просто тень, а словно сгустившийся кусок тишины. Эмма почувствовала это еще до того, как обернулась — воздух в комнате стал плотнее, свет из окна будто потускнел на миг. Она увидела высокую фигуру в темном плаще, знакомую ей с одного-единственного, но незабываемого визита в замок. Арвен Скайлор.

Его появление было таким же беззвучным и весомым, как падение древнего менгира. Он не смотрел по сторонам, его золотистый, вертикальный взгляд был прикован к Лире за прилавком. Он что-то сказал, его голос — низкий и глухой, как отдаленный раскат грома долетел до Эммы обрывками:

— ...состояние?

Лира, не отрываясь от своих щепоток, кивнула в сторону камина.

— Стабильно. Все так же спит. Пьет. Сегодня попробую новый настой...

И вот тут взгляд Эммы, машинально скользнувший с фигуры Арвена к Лире, зацепился.

Она не включила свой дар специально. Он сработал сам, как зрачок на ярком свету. Потому что то, что она увидела, было невозможно игнорировать.

От тонкого запястья Лиры, там, где билась жилка, прямо сквозь рукав ее простой хлопчатобумажной блузы, вырывалась нить. Не тонкая паутинка, а толстый, прочный, витой шнур цвета свежей артериальной крови, ярко-алый, словно светящийся изнутри. Он тянулся через все помещение, игнорируя полки и клетки, прямой и неумолимой линией, как стрела Амура, выпущенная из самого сердца.

И вел он прямо к Арвену.

Но то, что Эмма увидела на другом конце, заставило ее сердце сжаться от странной смеси восторга и жалости. Алая нить Лиры упиралась не в запястье Арвена. Она терялась в густом, свинцово-сером тумане, который клубился вокруг него, как личная грозовая туча. Сквозь этот туман Эмма с огромным усилием смогла разглядеть контур его собственной нити. Она была того же яркого, пламенного алого цвета, но она была скована. Опутана витками ледяной, синеватой энергии, которая сжимала ее, как щипцы из самого чистого горного льда. И эти щипцы исходили изнутри него — из груди, из самой глубины, где, как поняла Эмма, гнездились его сомнения, его долг, его одиночество, возведенное в абсолют.

Нить Лиры бесстрашно врезалась в этот туман, пытаясь дотянуться до скованного сердца. Она была сильной, настойчивой. Но щипцы сжимались еще туже, отторгая тепло, пытаясь заморозить и эту связь.

Эмма замерла, забыв дышать. Перед ней был самый сложный и самый истинный союз, который она когда-либо видела. Не легкая, воздушная связь двух счастливых, а мощное, судьбоносное переплетение, борющееся с внутренними демонами одного из них. Это была любовь не как подарок, а как испытание. Как вызов, брошенный самой судьбой ледяной крепости одиночества.

— Эмма? Ты как? — голос Лиры вернул ее в реальность.

Эмма вздрогнула, оторвав взгляд от невидимой для других драмы. Арвен, почувствовав на себе ее пристальный взгляд, медленно повернул голову. Его золотые глаза встретились с ее зелеными. В них не было угрозы. Была настороженность, холодная оценка и пустота. Та самая пустота, что порождала ледяные щипцы.

— В-все хорошо, — выдохнула Эмма, заставив себя улыбнуться Лире. — Просто задумалась. Этот сбор... Он точно поможет, если один из пары... Ну, очень закрыт? Как будто закован в лед?

Лира подняла бровь, немного удивленная формулировкой.

— Поможет расслабиться и открыться, — сказала она, бросая осторожный взгляд на Арвена, который, выслушав краткий отчет, уже разворачивался к выходу. — Но лед... Лёд нужно растапливать теплом, а не травами, Эмма. И времени это порой требуется много.

Арвен, услышав это, замер на мгновение у двери. Его спина, широкая и прямая, была напряжена. Казалось, он что-то хочет сказать, но лишь молча вышел, снова унеся с собой свою бурю и свои оковы.

Лира вздохнула, глядя на захлопнувшуюся дверь, и закончила заворачивать кулек.

— Вот, держи. Заваривать по щепотке на чашку. Не передозируй, а то уснут прямо за столом.

— Спасибо, — Эмма взяла пакет, сжимая его так, что бумага зашуршала. Она не могла молчать. — Лира... Этот мужчина... Он тебе кто?

Лира покраснела едва заметно, но голос ее был ровным.

— Клиент. Принес найденного котенка в ужасном состоянии. Интересуется его выздоровлением. И все.

— Он выглядит очень одиноким, — осторожно сказала Эмма.

— Да, — тихо согласилась Лира, ее взгляд самопроизвольно потянулся к окну, за которым скрылась темная фигура. — Похоже на то.

Эмма заплатила и попрощалась, выйдя на улицу. Солнце светило ярко, но перед глазами у нее все еще стояло видение: ярко-алая, живая нить и ледяные, сжимающие ее оковы. Она думала о своей матери, о том, как та, наверное, видела подобные сложные узоры.

«Это настоящая пара, — думала она, направляясь к своему дому-агентству. — Но им предстоит трудный путь. Очень трудный. И, кажется, этот котенок... Он как-то связан с этим».

Она не знала, что только что стала свидетелем начала великой истории. Истории, в которой ей, возможно, однажды придется не просто наблюдать за алой нитью, но и помочь ей разорвать ледяные путы.

Глава 5

Три дня. Три долгих дня Пепелек — так Лира мысленно окрестила котенка — провел в состоянии глубокой, магически усугубленной спячки. Он пил воду, когда ей удавалось осторожно влить ему в рот несколько капель, его дыхание стало ровнее, но глаза оставались закрытыми, а тело — расслабленным до бессилия. Он не просыпался.

На четвертый день Лира решила попробовать перевести его на питание. Она приготовила самое нежное, почти воздушное пюре из отварного белого мяса птицы, смешанное с бульоном и каплей питательного эликсира. Запах был аппетитным даже для нее самой.

Она устроилась на полу у камина, корзинка с котенком стояла перед ней на теплом овчинном коврике. Осторожно, кончиком маленькой костяной ложечки, она коснулась пюре его губ.

— Ну, малыш, пора кушать. Пора набираться сил.

Котенок не отреагировал. Его губы были мягкими и безвольными. Она попробовала аккуратно приоткрыть ему рот и ввести на кончике ложки крошечную каплю пюре. Инстинкт сработал — он сделал слабое сосательное движение, проглотил. Сердце Леры забилося надеждой.

— Вот так, молодец! Еще чуть-чуть.

Вторая капля. Третья. Но на четвертой что-то пошло не так. Тельце котенка вдруг напряглось, не просыпаясь, его скулы задрожали. И затем раздался тихий, но отчетливый звук рвотного позыва. Все, что она влила, было тут же мучительно и беспомощно исторгнуто обратно.

Лира отшатнулась, сердце упало. Она быстро убрала ложку, бережно вытерла мордочку котенка мягкой салфеткой. Он снова обмяк, его дыхание стало чуть более прерывистым, как будто этот крошечный акт отторжения отнял у него последние силы.

— Не подходит, — с горечью констатировала она. — Обычная пища не подходит. Ему нужно что-то иное.

Она сидела на полу, глядя на безответный комочек, и чувствовала приступ профессионального бессилия. Она лечила зверей и магических существ годами. Она знала, как помочь при переломе крыла у фейри, как вывести из депрессии единорога, потерявшего рог, как успокоить истерику у мандрагоры. Но этот случай был другим. Это была не болезнь тела, а блокада самой сути. И ключ к ней, она чувствовала, лежал не в ее книгах по травничеству, а в том самом месте, где он был найден. Или в том, кто его нашел.

Мысль о Арвене, молчаливом и закрытом, вызывала у нее странное раздражение, смешанное с нарастающим любопытством. Он возвращался каждый день, всегда в сумерках, всегда ненадолго. Стоял, как каменное изваяние, в двух шагах от корзинки, слушал ее краткий, деловой отчет («стабильно», «пьет воду», «без изменений»), кивал и уходил. Ни вопросов, ни предложений помощи, никаких эмоций. Как будто проверял живой инвентарь.

На следующий день, когда он снова появился на пороге, Лира была готова. Она встретила его не у прилавка, а стоя между ним и камином, скрестив руки на груди. На лице ее читалась не привычная доброжелательная усталость, а решимость.

— Он не ест, — заявила она без предисловий, как только он вошел. — Обычную пищу отторгает. Его организм ее не принимает. Более того, я уверена, что его магическое ядро не просто спит, оно изолировано. Запечатано. И это не естественное состояние.

Арвен остановился. Его золотистые глаза сузились, но не от удивления, а от мгновенной настороженности, будто он почуял ловушку.

— Я не лекарь, — произнес он своим низким, глухим голосом. — Я принес его к лекарю.

— Лекарю нужна информация! — не сдержалась Лира, голос ее зазвучал острее. — Где вы его нашли? Точно где? Не «в лесу», а в каком месте? У воды? На камне со странными отметинами? Рядом с какими-то растениями, которых там быть не должно? Были ли в воз-

духе какие-то аномалии — свечение, вибрация, неестественная тишина? Что происходило в ту ночь?

Каждый ее вопрос был как удар маленького, но твердого молотка по броне его молчания. Она видела, как напряглись его челюсти, как пальцы, спрятанные в складках плаща, сжались в кулаки. Он не просто не хотел отвечать. Он боялся ответить.

— Это не имеет значения, — отрезал он. Каждое слово было ледяным. — Место обычное. Ничего примечательного.

— Не верю! — выпалила Лира, сделав шаг вперед. Ее собственное раздражение, накопившееся за дни бесплодных попыток, прорвалось наружу. — Вы носите на себе следы древней магии, которую я ни разу не встречала! Вы появляетесь и исчезаете, как призрак! Вы нашли существо с заглушенным магическим ядром в «обычном» лесу? Это не складывается! Если вы хотите ему помочь, если вам хоть что-то небезразлично, скажите мне правду!

Последние слова повисли в воздухе тяжелым, нелепым упреком. Сама она поняла это, как только произнесла их. Какое ему дело до котенка? Он просто выполнил формальность.

Именно это он и подтвердил. Его лицо, и без того холодное, стало совершенно бесстрастным, как маска. В глазах погасла даже та искорка настороженного интереса, что иногда в них мелькала. Осталась только пустота и ледяное, безжалостное отстранение.

— Мой долг, — произнес он отчетливо, разделяя слова, будто вбивая гвозди, — заключался в том, чтобы не оставить существо умирать на моем пороге и доставить его к тому, кто, как заявлено, помогает. Я выполнил его. Все, что происходит дальше, ваша забота, мадемуазель Серебрянка. Не моя.

Он повернулся к двери, его плащ развеялся крутым, решительным движением.

— Но... — начала Лира, чувствуя, как обида и досада комком подступают к горлу.

— Больше я не потревожу вас своими визитами, — бросил он через плечо, и в этих словах звучала не вежливость, а окончательный, бесповоротный приговор. — Делайте что должны.

И он ушел. На этот раз дверь закрылась за ним с таким тихим, но окончательным щелчком, будто захлопнулась крышка гроба.

Лира осталась стоять посреди комнаты, глупо уставившись на дверь. В ушах звенела тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в камине. Обида жгла щеки. Озадаченность туманила мысли. Кто этот человек? Что он так отчаянно скрывает? И почему его уход, которого она в какой-то момент даже желала, чтобы избавиться от этого давящего присутствия, теперь ощущался как поражение? Как будто он забрал с собой не только свою ледяную ауру, но и какую-то часть загадки, без которой она никогда не сможет помочь Пепельку.

Она медленно подошла к корзинке и опустилась на колени рядом. Котенок лежал, как и прежде, беспомощный и отрезанный от мира.

— Прости, малыш, — прошептала она, проводя пальцем по его холодному ушку. — Кажется, я все испортила. Твой странный спаситель бросил нас обоих.

Но где-то в глубине, под слоями обиды и разочарования, шевелилось другое чувство — упрямое, профессиональное. Он сказал, что больше не придет. Но он же возвращался все эти дни. Значит, что-то его тянуло. Не только долг. И если это что-то было сильнее его страха и его холодной решимости изолироваться, то, возможно, это был еще не конец. Возможно, это было только начало настоящего конфликта — конфликта между его одиночеством и зарождающейся, неосознанной ответственностью.

А пока ей нужно было найти, чем кормить это существо, если не обычной пищей. Ответ, она чувствовала, лежал не на ее полках с травами. Он витал в том самом таинственном лесу, о котором он так не хотел говорить. И Лира начала понимать, что, если она хочет спасти Пепельку, ей, возможно, придется отправиться на его поиски самой.

Глава 6

Тишина, опустившаяся на «Лунный фамилляриум» после полуночи, была особого рода. Она не была пустой или мертвой. Она дышала. Глубоким, размеренным дыханием спящих существ: свистом крыльев сновидца-летуна в его гамаке, посапыванием старого барсука-травника в своем гнезде из папоротника, едва слышным жужжанием светлячков, заключенных в стеклянные шары для ночного освещения. Это была живая, насыщенная тишина храма, где каждый обитатель был погружен в свои тайные, звериные сны.

Лира сидела в своем потертом бархатном кресле у камина, где угли догорали, окрашивая комнату в багровые и оранжевые тона. Книга «Аномалии магического метаболизма у гибридных существ» лежала у нее на коленях раскрытой, но она уже давно не видела строк. Взгляд ее был прикован к корзинке у ее ног, где на мягкой подстилке из целебного мха лежал Пепелек.

После сегодняшней размолвки с Арвеном внутри нее бушевал ураган из противоречивых чувств. Обида, острая и колючая, сменялась досадой на саму себя. Зачем она дала волю раздражению? Зачем перешла на личности, упрекнув его в равнодушии? Она, всегда такая терпеливая с испуганными животными, сорвалась на испуганного человека? Существо? Ей было непонятно, кем именно он был, но его страх был осязаем, как запах дыма.

«Больше не потревожу». Эти слова звенели в ее ушах, холодные и окончательные, как приговор. И теперь, в этой глубокой ночной тишине, она чувствовала не облегчение, а нарастающую тревогу. Она осталась один на один с загадкой, которую не могла разгадать. И загадка эта тихо умирала у ее ног.

Она откинула тяжелый плед, встала и на цыпочках подошла к корзинке. Присела на корточки, вглядываясь в очертания крошечного тельца в полумраке. Он был так же неподвижен, как и днем. Его бока едва заметно поднимались и опускались. Она уже машинально протянула руку, чтобы проверить пульс у основания его шеи, как вдруг...

Мелькнуло.

Словно крошечная искра, пойманная краем глаза. Где-то в глубине корзинки.

Лира замерла, затаив дыхание. Прищурилась, стараясь не моргать. Неужели ей померещилось? Игра света от угасающих углей?

Нет. Вот оно снова. Слабый, едва различимый, но неоспоримый свет. Он исходил не снаружи, а изнутри. Из самого центра тельца котенка, из области, где у магических существ обычно располагается ядро — резервуар их врожденной силы. Свет был тусклым, призрачным, мерцающим, как свет далекой звезды, едва пробивающийся сквозь толщу облаков. Он не был однородным: он пульсировал, волнами, то почти исчезая, то становясь чуть ярче, отчего пепельная шерстка на мгновение приобретала странный, неземной оттенок — серебристо-золотистый, словно смесь лунного света и отсвета пламени.

Лира ощутила, как по спине пробежали мурашки. Это не было галлюцинацией. Это было чудо. Тихое, умирающее, но чудо.

— Его магия, — прошептала она, и ее голос прозвучал громко в абсолютной тишине. — Она жива. Она борется.

Осторожно, с благоговением археолога, обнаружившего хрупкий артефакт, она опустилась на колени на теплый ковер. Она не зажгла светильник, не сделала ни одного резкого движения, боясь спугнуть это хрупкое проявление. Она просто наблюдала, отдаваясь своему дару полностью. Она закрыла глаза, отключив обычное зрение, и «прислушалась» к нему всем своим внутренним существом, той частью души, что была настроена на частоты жизни.

И тогда она поняла. Это был не просто случайный свет. Это был сигнал. Голодный, отчаянный, бессознательный маяк. Его магическое ядро, запертое в непроницаемую скорлупу, инстинктивно, на самом глубинном уровне, искало резонанса. Оно кричало в пустоту, пытаясь

найти созвучие, родственную энергию, которая могла бы стать ключом, отмычкой, питательной средой для того, чтобы пробить блокаду изнутри.

Ли́ра углубилась в ощущение, пытаясь определить «вкус» этой потребности. Она перебирала в памяти знакомые спектры: мягкая, серебристая энергия лунных существ; спокойная, глубокая и земная сила лесных духов; игривая, изменчивая магия речных фейри; стабильная, прочная аура гномов-камнерезов.

Ничего не подходило.

Потребность Пепелька была иной. Более первичной. Более огненной. В ней чувствовался голод не просто к силе, а к силе определенного качества — чистой, неразбавленной, почти что первородной.

В ее сознании, тренированном годами изучения древних трактатов и работой с экзотическими существами, начали всплывать образы. Не яркие картинки, а скорее смутные ощущения, связанные с прочитанным:

Солнечный огонь, пожирающий и дающий жизнь. Не теплое летнее солнце, а ядро светила, безумная термоядерная мощь, заключенная в сердцевине солнечного камня — артефакта такой редкости и силы, что он существовал лишь в легендах.

Раскаленная лава, бьющаяся в жилах самого мира. Глубинный жар планеты, неоформленная мощь творения и разрушения.

И чешуя, холодная и горячая одновременно, отражающая закат. Глубокий вдох, от которого дрожит воздух и пахнет озоном после грозы, серой и пеплом древних гор. Драконья магия. Энергия существ, которые, согласно мифам, родились не в результате эволюции, а были выкованы или выпечены самой вселенной в эпоху ее юности.

Да. Вот оно. Котенку требовалась либо энергия, равная по чистоте и мощи ядру солнца (и где она, Ли́ра Серебрянка, возьмет такую?), либо энергия дракона. Тепло его внутреннего пламени, вибрации его древней, неиспорченной временем и цивилизацией магии. Той самой магии, что ощущалась как дыхание иных эпох.

Ли́ра открыла глаза. Свет в корзинке уже угас, поглощенный тьмой. Но образ его, пульсирующий и полный надежды, жгущий, как уголь, остался на ее сетчатке. И с этим образом пришло осознание, такое ясное и страшное, что у нее перехватило дыхание.

Дракон.

Арвен Скайлор.

Внезапно его поведение, вся эта гнетущая таинственность, обрело чудовищный, пугающий смысл. Он не просто нашел котенка «в лесу». Он нашел его у себя. На своей территории. В месте, где его собственная, драконья сущность, пусть и скрытая под человеческой личиной, была доминирующей силой. Возможно, именно близость Арвена, его аура, пропитанная древней силой, стала тем спусковым крючком, который заставил заглушенное ядро котенка подать этот слабый, инстинктивный сигнал бедствия. Или, что еще страшнее, котенок изначально был там не случайно. Может, его туда привело.

И она, Ли́ра, в своем праведном гневе, прогнала его. Выставила за дверь. Нанесла оскорбление тому, кто, возможно, был единственным ключом к спасению.

«О, Великая Мать, хранительница всего живого... — мысленно простонала она, опуская лоб на прохладный край плетеной корзинки. Отчаяние, острое и леденящее, сжало ее горло. — Что я наделала?»

Но Ли́ра Серебрянка не была той, кто поддавался панике надолго. Годы работы ветеринаром магических существ закалили ее. За отчаянием, как всегда, приходила холодная, ясная, профессиональная решимость. Она откинула голову, стиснула зубы и посмотрела на корзинку уже другим взглядом — взглядом стратега, оценивающего ресурсы на поле боя.

Котенок умирал. Не от ран, не от голода в обычном смысле, а от магического истощения, от невозможности подключиться к источнику, способному его пробудить. И единственный

известный ей потенциальный источник находился в нескольких кварталах отсюда. Источник в образе высокомерного, невыносимого, скрытного... и безумно, до боли одинокого существа, которое, несмотря на все свои заявления, возвращалось. Каждый день. Чтобы молча постоять и посмотреть.

Она не могла позволить себе ждать утра. Не могла надеяться на то, что он, оскорбленный и окончательно решивший отгородиться, соблаговолит снова появиться на ее пороге. Каждая минута, каждый час могли стать для Пепелька последними. Его магия звала сейчас. И она должна была ответить.

Движения ее стали быстрыми, точными, лишенными суеты. Она встала и направилась в свою маленькую лабораторию. Сумка-аптечка всегда была наготове. Она дополнила ее: флаконы с концентрированными укрепляющими эликсирами (мало ли что); сверток с сухими листьями пламецвета, способного временно усилить восприимчивость к огненной магии; маленький, но мощный амулет тепло- и холодоизоляции (для котенка). Затем, в главной комнате, она взяла самое мягкое, согретое у камина одеяльце из шерсти ласкового барана и бережно, с бесконечной осторожностью, завернула в него спящего котенка. Он был так легкий, так хрупкий. Она уложила сверток в небольшую плетеную корзинку-переноску с мягкими стенками и крышкой, оставив щель для воздуха. Он даже не шевельнулся.

Она накинула свой темный, практичный плащ с глубоким капюшоном, взяла в одну руку сумку, в другую — драгоценную корзинку, и вышла в ночь.

Холодный, предрассветный воздух ударил ей в лицо, заставив вздрогнуть. Улицы Междумирья в этот час принадлежали призракам и ночным стражам. Редкие магические фонари, питаемые сгустками захваченного света, отбрасывали на булыжник синеватые, неестественные лужицы. Тишина здесь была уже иной — пугающей, городской.

Куда идти? Арвен никогда не называл своего адреса. Но Лира вспомнила обрывок разговора с Эммой Бродс несколько недель назад. Та, смеясь, рассказывала о «своем самом таинственном клиенте», которого как-то видела выходящим из портала в самом глухом, заброшенном квартале города — у Старых Дуплистых Дубов. Там, где городские стены переходили в дикий, древний лес, а дома были больше похожи на заросшие плющом руины. Место, которое обходили стороной даже ночные гуляки.

Именно туда, навстречу слухам и тени дракона, и направилась Лира. Ее шаги отстукивали четкий, решительный ритм по спящему камню. В одной руке она несла сумку с инструментами своей профессии, в другой — корзинку, в которой тихо светилась, мерцая, как последняя искра в очаге, хрупкая надежда. Она не знала, что ждет ее в конце этого пути: спасение или окончательный, бесповоротный отказ, хлопнувшая дверь перед самым носом. Она не знала, способен ли Арвен на сострадание или его сердце действительно было высечено из ледника. Но выбора у нее не было. Ради своего пациента, ради этой крошечной жизни, доверенной ей судьбой, она была готова стучаться в самые неприступные врата. Даже если за этими вратами, в самом сердце древней тайны, обитал дракон.

Глава 7

Путь к Старым Дуплистым Дубам оказался путешествием в иную реальность. Шумная, пестрая жизнь центрального Междумирья осталась позади, словно отзвучавшая песня. Улицы сужались, дома становились ниже, приземистее, их фасады покрывали толстые слои векового плюща и темного лишайника. Фонари здесь не горели вовсе, и Лира была вынуждена достать из сумки небольшой светящийся камень-светляк, чей мягкий белесый свет едва разгонял тьму на пару шагов вперед.

Воздух стал холоднее, влажнее, и в нем витал запах прелой листвы, сырой земли и чего-то еще — старой магии, оставшейся без присмотра. Это было место, где город сдавался, отступал перед напором дикого леса, чьи первые, исполинские дубы уже нависали над покосившимися крышами, словно темные стражи.

Лира шла, прислушиваясь к каждому шороху. Ее сердце колотилось не только от тревоги, но и от нарастающего благоговейного страха. Она, выросшая среди книг и ручных животных, чувствовала себя здесь чужой, нарушительницей древних границ. Корзинка в ее руке казалась невероятно тяжелой, а тихий свет, который она иногда улавливала краем глаза через щель в крышке, — единственной путеводной нитью в этом царстве теней.

Наконец, она вышла на небольшую поляну, которую окружал полукруг черных, безмолвных дубов. И там, в самом центре, заросшая у основания темным шиповником и колючей ежевикой, вздымалась к небу Башня.

Она была непохожа на городские строения. Казалось, ее не возвели, а «вырастили» из самой скальной породы, обнажившейся здесь. Камень был темным, базальтовым, без швов и украшений. Башня сужалась кверху, венчаясь острым, подобным когтю шпилем. Ни окон, лишь узкие бойницы на недостижимой высоте. От нее веяло таким леденящим, абсолютным одиночеством и древностью, что у Лире перехватило дыхание. Это была не просто постройка. Это была крепость. Келья. Могильный памятник живому существу.

Именно здесь обитал Арвен Скайлор. В этом месте все кричало об его истинной природе громче любых слов.

Страх сжал ее горло ледяной рукой. Каждый инстинкт вопил, чтобы она развернулась и бежала. Но в тот же миг из корзинки донесся слабый звук. Не писк, не стон. Глухое, едва слышное урчание. Пепелек, погруженный в свою искусственную спячку, отозвался. Его магия, тусклая искра внутри, встрепенулась, почуввав родственную мощь так близко.

Это придало Лире сил. Она сделала глубокий вдох, сжала ручку корзинки до побеления костяшек и шагнула вперед, пробираясь сквозь колючие заросли к основанию башни. Массивная дверь из черного, отполированного временем и непогодой дуба казалась частью скалы. Ни ручки, ни молотка, ни щели. Лишь при ближайшем рассмотрении она заметила едва видимые руны, высеченные по периметру, — охранные знаки такой сложности и силы, что она лишь смутно могла угадать их назначение.

Что делать? Стучать? Кричать? Она подняла руку, но остановилась в нерешительности. В этот момент крышка корзинки на ее руке слегка приподнялась изнутри. Небольшая пепельная лапка с крошечными, прозрачными коготками бессильно уцепилась за край. И снова донеслось урчание, чуть громче, настойчивее.

Лира, движимая отчаянной решимостью, прижала ладонь к холодному дереву двери.

— Арвен! — позвала она, и ее голос, обычно такой уверенный, прозвучал хрипло и неубедительно в этой давящей тишине. — Арвен Скайлор! Это Лира! Мне нужна ваша помощь!

Ничего. Лишь эхо ее голоса, бесследно сгинувшее в ночи. Она собралась было крикнуть снова, как вдруг...

Руны вокруг двери вспыхнули тусклым синим светом. Не приглашающим, а угрожающим, предупреждающим. Воздух вокруг нее сгустился, зарядившись статикой. Лира отпрянула.

Дверь бесшумно отъехала в сторону, растворившись в стене. В проеме, залитом мраком, столь же густым, как внутри пещеры, стояла высокая фигура.

Арвен. Но не тот сдержанный, отстраненный посетитель ее фамильяриума. Этот был разгневан. Его ярость не выражалась в крике или гримасе. Она висела в воздухе, тяжелая и плотная, как грозовая туча перед ударом молнии. Его золотистые глаза горели в полумраке, как раскаленные угли, а вертикальные зрачки сузились до тонких, опасных щелочек. Казалось, сама тень вокруг него шевелится, принимая угрожающие очертания.

— Вы осмелились прийти сюда.

Его голос был тише обычного, но каждый звук в нем вибрировал такой нечеловеческой мощью и угрозой, что у Леры похолодели ноги. Он не спрашивал. Он констатировал невероятную, оскорбительную дерзость.

— Я... Мне было нужно... — начала она, запинаясь, но он перебил ее, сделав один шаг вперед. Она инстинктивно отступила.

— Границы существуют не для украшения, мадемуазель Серебрянка. Это мое владение. Вы вторглись. Сейчас же уходите. Пока я позволяю вам это сделать.

Его тон не оставлял сомнений — следующее «позволение» может и не последовать. Лира чувствовала, как дрожь пробирается по ее спине. Она была на волоске от того, чтобы повиноваться, подчиниться этому древнему, первобытному ужасу, который он излучал.

И тогда из корзинки раздался звук. Не урчание. Слабый, жалобный писк. Звук абсолютной беспомощности и, в то же время, странного доверия.

Арвен замолчал. Его пылающий взгляд скользнул с ее лица на корзинку в ее дрожащих руках. Лира, следуя внезапному импульсу, не раздумывая, приоткрыла крышку.

В тусклом свете ее камня-светляка был виден крошечный пепельный комочек. Котенок, все еще с закрытыми глазами, беспомощно повернул головку в сторону Арвена. Его носик задрожал, улавливая запах. Маленькая лапка снова потянулась из корзинки, не цепляясь за край, а просто вытянувшись, как бы в немом вопросе или приветствии.

И тут произошло чудо.

Тусклый, едва мерцающий свет внутри котенка — тот самый, что она видела у камина, вспыхнул. Не ярко, но явно. На мгновение его пепельная шерстка озарилась изнутри тем же серебристо-золотистым сиянием, будто в нем зажгли крошечную свечу. Свет пульсировал в такт слабому мурлыканью, которое снова прорвалось сквозь его немощь. Это был чистый, инстинктивный отклик. Его магия, глухая и слепая ко всему остальному миру, узнала Арвена. И отозвалась.

Ярость на лице дракона дрогнула. Не растаяла, но дала трещину, сквозь которую проглянуло нечто иное — шок. Глубокое, непреодолимое изумление. Он смотрел на этот слабый свет, на эту немую тянущуюся к нему лапку, и что-то в его каменной, веками выстраиваемой обороне рухнуло.

Он молчал так долго, что Лира начала думать, не обратился ли он в камень. Потом он медленно, почти невероятно медленно, опустился на одно колено. Его движение было неловким, будто суставы забыли, как это делается. Он оказался на одном уровне с корзинкой.

— Что... Что ты делаешь? — прошептал он, и в его голосе не было уже ни ярости, ни угрозы. Был только немой вопрос, обращенный, казалось, не к Лире, а к самому котенку.

Свет внутри Пепелька снова угас, оставив лишь обычную тьму. Но момент контакта, момент признания, уже произошел. Его нельзя было отменить.

Лира, набравшись смелости, проговорила, стараясь, чтобы ее голос не дрожал:

— Его магия. Она в спячке. Но она ищет вас. Нуждается в вас. Обычная пища, лечение — ничего не работает. Только сейчас, рядом с вами, она проявила себя. Я не знала, куда еще идти.

Арвен поднял на нее взгляд. Гнев в его глазах потух, сменившись сложной, невыразимой смесью чувств: недоверия, ответственности, страха и того самого древнего, давно забытого инстинкта, который заставил его когда-то поднять это существо с холодного камня.

Он не приглашал ее войти. Не говорил «проходите». Он просто оставался на колене, глядя на корзинку, будто перед ним лежала не хрупкая жизнь, а неразрешимая загадка, брошенная ему судьбой прямо к порогу его крепости. А Лира стояла перед открытой дверью в его мир, понимая, что обратного пути уже нет. Она ступила на территорию дракона, и теперь им предстояло либо найти общий язык, либо быть поглощенными тишиной и холодом этой каменной гробницы вместе с крошечной искрой, которая так отчаянно хотела жить.

Глава 8

Молчание после вспышки магии котенка было густым, как смола, и напряженным, как тетива натянутого лука. Арвен оставался на одном колене, его взгляд, потерявший ярость, был прикован к темному теперь уже комочку в корзинке. Казалось, он пытался осмыслить не столько факт вторжения, сколько сам феномен — этот крошечный, слабый отклик на его присутствие.

Лира не решалась пошевелиться, боясь спугнуть хрупкое равновесие. Холод от каменных стен башни пробирался сквозь плащ, но она почти не чувствовала его, настолько было сильно внутреннее напряжение.

Наконец Арвен поднялся. Движение его было плавным, но в нем чувствовалась тяжесть, будто он поднимал не свое тело, а груз нового, нежеланного знания. Он не взглянул на Лиру, его глаза все еще были устремлены на корзинку.

— Войдите, — произнес он глухо, и это прозвучало не как приглашение, а как приговор, вынесенный самому себе.

Он развернулся и скрылся в темноте за дверью. Лира, сделав глубокий, дрожащий вдох, переступила порог. Массивная дверь бесшумно закрылась за ее спиной, отрезав путь к отступлению.

Внутри было именно так, как она и предполагала: холодно, темно и невероятно тихо. Воздух пахнет камнем, старым пергаментом и чем-то еще — озоном, как после далекой грозы, и едва уловимым, горьковатым ароматом, который она не могла опознать. Света почти не было, лишь тусклое, призрачное свечение, исходившее от самих стен — вкрапленные в камень кристаллы отдавали накопленный за день свет слабыми синеватыми бликами.

Они прошли по короткому, абсолютно голому коридору и вышли в главный зал. Комната была огромной, круглой, с высоким сводчатым потолком, терявшимся в темноте. В центре горел огонь в массивном каменном очаге, но, странным образом, он не давал тепла — лишь освещал, отбрасывая длинные, пляшущие тени на стены, уставленные до самого потолка полками. И на этих полках Лира замерла, забыв на мгновение и о страхе, и о котенке.

Книги. Тысячи, десятки тысяч фолиантов, свитков, табличек. Они были повсюду. Кожанные переплеты, потрескавшиеся от времени, деревянные обложки, инкрустированные костью и перламутром, свитки из странной, похожей на кожу рептилии, бумаги. Это была не библиотека. Это был архив эпох. Воздух здесь был густ от пыли веков и мудрости, которая, казалось, витала между рядами, как древний дух.

Арвен подошел к очагу и повернулся к ней. Огонь освещал его лицо с одной стороны, делая резкие черты еще более скульптурными, а другую погружая в глубокую тень.

— Вы сказали, его магия спит, — начал он, и его голос, потеряв гневный оттенок, звучал устало и отстраненно. — Что она ищет резонанса. Моя природа могла разбудить в нем отклик. Это создает проблему.

— Проблему? — не удержалась Лира. — Он умирает! Его магическое ядро не получает нужной энергии, чтобы пробудиться и поддержать тело!

— Вы не понимаете, — резко оборвал он. — То, что я стерегу... Древние силы, границы, печати... Они не терпят случайностей. Появление существа с заглушенной, но отзывчивой на мою силу магией у моего порога — это не несчастный случай. Это может быть предзнаменованием. Или инструментом.

Лира почувствовала, как по спине пробежал холодок, куда более пронзительный, чем от камня.

— Инструментом? Для чего?

— Для нарушения того, что должно оставаться нерушимым, — его глаза в свете пламени казались абсолютно пустыми. — Я не могу исключить, что его появление — часть чьего-то плана. Или часть чего-то большего. Старого пророчества, о котором я думал, что оно забыто.

Он говорил загадками, но Лира слышала в его словах не паранойю, а тяжелую, выстраданную уверенность. Он действительно верил, что за всем этим стоит нечто грандиозное и опасное.

— И что же вы предлагаете? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Оставить его умирать на всякий случай? Из соображений предосторожности?

Он посмотрел на нее, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на раздражение, но уже не на нее, а на ситуацию в целом.

— Нет. Теперь это невозможно. Он отозвался. Это создало связь. Примитивную, но существующую. Игнорировать ее — значит оставить слабое место в своей же обороне. Неизученная переменная опаснее известной угрозы.

Он подошел к одному из ближайших стеллажей, провел рукой по корешкам, словно ища знакомый том.

— Вы сказали, ищите ответ в своих книгах. Ваши книги, — он бросил краткий, оценивающий взгляд на нее, — для таких вопросов — детские сказки. Здесь, — его жест охватил всю комнату, — хранится знание. Истинное, часто опасное. Знание о природе магии, о древних существах, о гибридах и мутациях, о пророчествах Угасающих Веков.

Лира ощутила одновременно благоговейный трепет и острую профессиональную жажду. Доступ к такой библиотеке был мечтой любого исследователя магической фауны.

— Вы позволите мне искать здесь ответ? — спросила она, не веря своему счастью.

— Не «позволю», — поправил он холодно. — Я предоставляю доступ. Под моим наблюдением. Вы будете продолжать ухаживать за существом, пытаться поддерживать его физическое состояние. Я же буду искать информацию о возможном происхождении, природе его магии и о том, почему она откликается на меня. Мы обменяемся находками. Это необходимость.

Он не сказал «сотрудничество». Он сказал «необходимость». Шаткое, вынужденное перемирие, основанное не на доверии, а на взаимной выгоде и общей, пока еще не до конца осознанной угрозе.

Лира кивнула. Это было больше, чем она могла надеяться после их ссоры и ее вторжения.

— Согласна. Но ему нужно быть в тепле. И ему может понадобится ваше присутствие. Периодически. Чтобы его магия получала сигнал.

Арвен снова напрягся, но на этот раз не стал протестовать. Он лишь мрачно кивнул.

— Вы можете использовать очаг. Тепло есть, оно просто сконцентрировано иначе. И я буду здесь. В башне. Вы можете приходить для исследований. В установленные часы.

Он назвал время — глубокая ночь, когда город спал, а лес бодрствовал. Самые безлюдные часы. Она поняла: он все еще пытался минимизировать контакты, скрыть свое существование.

— Хорошо, — сказала она. — А как насчет имени? У вас есть какое-то имя для него?

Арвен посмотрел на корзинку, которую она поставила на каменный пол возле очага. Внутри послышался слабый шорох.

— Нет, — ответил он просто. — Имена дают тому, что становится частью жизни. Он явление. Пока что.

— Я называю его Пепелек, — тихо сказала Лира.

Он ничего не ответил. Просто отвернулся и направился к одному из стеллажей, явно начиная свой поиск. Разговор был окончен. Договор, скрепленный не рукопожатием, а молчаливым согласием и тяжестью обстоятельств, вступил в силу.

Лира опустилась на колени у очага, открыла корзинку и бережно вынула завернутого в одеяльце котенка. Камень вокруг очага был теплым, почти горячим, как нагретая солнцем скала. Она устроила подстилку из своего плаща и уложила на него Пепелька. Он слабо вздох-

нул, и в глубине его груди снова мелькнул тот самый тусклый свет — слабее, чем на пороге, но все еще живой.

Она подняла взгляд. Арвен стоял в двух шагах, склонившись над огромным фолиантом, лежащим на каменном пюпитре. Его профиль был резок и сосредоточен. Он был хранителем тайн, воином на невидимой границе. А она принесла в его крепость крошечное, хрупкое беспокойство.

Но теперь они были связаны этим беспокойством. Шатким мостом через пропасть недоверия и страха. Мостом, который держался на слабом свете спящей искры и на древних знаниях, запертых в каменных стенах.

Глава 9

В «Лунном фамильяриуме» царил обычный полуденный хаос. Солнечные лучи, проникавшие через пыльное витражное окно, выхватывали из полумрака танцующие пылинки и яркие пятна на шерстках, чешуе и перьях обитателей. Лира, с налету поправляя сбившийся пучок волос, перевязывала пораненную лапку юному саламандренку, который шипел и вырывался, выплевывая искорки.

— Тише, Уголек, тише, — приговаривала она усталым, но терпеливым голосом. — Сейчас все будет.

Мысли ее, однако, были далеко отсюда. Они витали в холодной, тихой башне у Старых Дуплистых Дубов. Прошло уже несколько дней с момента того вынужденного перемирия. Она навещала Пепелька каждую ночь, как и договаривались. Башня Арвена за эти дни не стала ни уютнее, ни гостеприимнее, но в ней появился крошечный островок тепла у вечно горящего очага. И, что самое удивительное, появилась рутина.

Арвен практически не разговаривал с ней. Он либо молча сидел в своем кресле из черного дерева, уткнувшись в один из древних фолиантов, либо стоял у стеллажей, быстро и безошибочно выдергивая нужные тома. Он работал с фокусом и скоростью, которые пугали. Иногда он задавал короткий, точный вопрос о состоянии котенка: «Температура?», «Потребление жидкости?», «Излучение?». Она отвечала так же лаконично, докладывая, как офицер.

Но было и кое-что еще. Иногда, когда она сидела, склонившись над Пепельком, пытаясь влить в него очередную каплю укрепляющего эликсира, она чувствовала на себе его взгляд. Не оценивающий и не подозрительный, а изучающий. Как будто он наблюдал не только за пациентом, но и за ней. За ее методами, за ее терпением, за тем, как ее пальцы, несмотря на усталость, оставались нежными и точными.

А Пепелек... Пепелек по-прежнему не просыпался. Но его магия вела себя иначе рядом с Арвеном. Она не вспыхивала ярко, как в первую ночь, но теперь свет в его груди пульсировал ровнее, стабильнее, как будто нашел слабый, но постоянный источник подпитки. Он начал инстинктивно поворачиваться в сторону дракона, когда тот подходил ближе, и его дыхание становилось глубже.

Это были крошечные, почти невидимые изменения, но для Леры они значили все. Они доказывали, что она была права. И заставляли ее смотреть на молчаливого стража башни в новом свете. Не как на угрозу или помеху, а как на часть решения. Сложную, неподатливую, но необходимую часть.

Дверной колокольчик звякнул, выдергивая ее из размышлений. Лира, закончив бинтовать лапку саламандренку и отпустив его в специальный террариум, вытерла руки о передник и вышла в приемную.

— Эмма! — удивилась и обрадовалась она, увидев знакомую фигуру с корзинкой в руках. — Что случилось? Травы не подошли?

Эмма Брудс улыбнулась своей теплой, слегка загадочной улыбкой. Она выглядела как всегда — собранной, но с тем проницательным блеском в зеленых глазах, который всегда заставлял Лиру думать, что подруга видит чуть больше, чем говорят.

— Наоборот! Саруг в восторге. Говорит, двое клиентов после твоего чая так расслабились, что чуть не уснули за десертом, но зато признались друг другу в любви к одному и тому же сорту сыра с плесенью. Считаю, лед тронулся.

Лира рассмеялась, почувствовав, как часть дневного напряжения уходит.

— Рада слышать. Чем могу быть полезна? Новую партию?

— И новую партию, и хотела кое-что уточнить насчет дозировки для троллей, — Эмма положила на прилавок свою корзинку и обвела взглядом комнату. Ее взгляд, казалось, скользил

не по клеткам и полкам, а по самому воздуху, выискивая что-то. — И как твои дела? Выглядишь задумчивой. Не слишком ли много работы?

Ли́ра пожала плечами, отворачиваясь, чтобы скрыть внезапную смущенную улыбку.

— Да обычное. Пациенты, бумаги, бессонные ночи. Ничего нового.

— Ничего нового? — Эмма подняла бровь, ее голос стал игривым, но в нем чувствовалась острая, как игла, внимательность. — А я слышала, у тебя появился новый постоянный клиент. Тот самый, с котенком. Угрюмый красавец с глазами, как у старого золота.

Ли́ра вздрогнула. Откуда Эмма знала про глаза? Она старалась говорить о Арвене как можно меньше.

— Арвен? Да, он периодически заходит. Интересуется состоянием животного.

— «Интересуется», — повторила Эмма, кивая, словно соглашаясь с какой-то своей внутренней мыслью. — Это хорошо. Значит, он не такой уж равнодушный, как кажется. Иногда самые молчаливые стены скрывают самый жаркий очаг.

Ли́ра покраснела.

— Эмма, о чем ты? Он просто чувствует ответственность. Нашел же его.

— Конечно, ответственность, — легко согласилась Эмма, доставая из корзинки блокнот с записями. — Очень благородно. И как продвигаются ваши совместные усилия?

Вопрос был задан так невинно, что Ли́ра, уже расслабившись, ответила почти не задумываясь:

— Мы... То есть, я продолжаю уход, а он предоставляет доступ к некоторым материалам для исследований. Его библиотека просто невероятна, Эмма. Там есть труды, о которых я только слышала в легендах!

Она замолчала, осознав, что сказала слишком много. Но Эмма лишь улыбалась, делая пометки в блокноте.

— Библиотека, говоришь? Значит, он человек образованный. И, судя по всему, готов идти на уступки ради спасения маленькой жизни. Пусть и через стиснутые зубы, — она посмотрела на Ли́ру поверх блокнота, и ее взгляд стал мягким, почти материнским. — Знаешь, я много вижу людей. И пар. И по опыту могу сказать: иногда самая настоящая помощь приходит оттуда, откуда ты ее совсем не ждешь. От тех, кто кажется холодным, закрытым, даже грубым.

Ли́ра слушала, заворуженно.

— Но как отличить? Как понять, стоит ли доверять?

— О, это просто, — Эмма отложила блокнот и облокотилась на прилавок, снижая голос до доверительного шепота. — Не слушай слова. Слова — они как листва, их может сорвать и унести любой ветер. Смотри на поступки. Он нашел котенка и принес его, хотя мог пройти мимо. Он возвращался, чтобы проверить, хотя сказал, что не будет. Он впустил тебя в свой дом, в свое святилище, и предоставил доступ к своим сокровищам знаний, хотя ярость его была настоящей. Он сидит с тобой в одной комнате по ночам, наблюдая. Это не слова. Это действия. И они говорят громче любых клятв.

Ли́ра молчала, переваривая сказанное. Она никогда не думала об этом в таком ключе. Для нее Арвен был препятствием, потом вынужденным союзником. Но поступки... Да. Он действительно делал все это. Молча, неохотно, но делал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.